

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Юрий Михайлович ЗАЙЦЕВ,

кандидат исторических наук, доцент
Тихоокеанского военно-морского ин-
ститута ВУНЦ ВМФ Военно-морская
академия, Владивосток.

E-mail: yuriy_zaytsev@land.ru

Сергей Сергеевич БЛИЗНИЧЕНКО,

кандидат технических наук, доцент
Кубанского государственного техно-
логического университета, Краснодар.

E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru

Статья освещает сложные процессы комплектования кадрами Тихоокеанского флота (ТОФ), объективные и субъективные причины организационных и кадровых проблем, возникших на флоте во второй половине 1930-х гг., и их влияние на состояние основных компонентов боевой готовности ТОФ.

Ключевые слова: Тихоокеанский флот СССР, организационные и кадровые проблемы, политические репрессии, боевая готовность флота.

ORGANIZATIONAL AND BASIC STAFF PROBLEMS OF THE SOVIET PACIFIC NAVY DURING THE LATE 1930s

Yuriy M. Zaytsev. Cand. Sc. (History), Associate Prof. of the Pacific Naval Institute of the Center for Naval Research, Naval Academy, Vladivostok.

Sergey S. Bliznichenko. Cand. Sc. (Technical), Kubanskiy State Technical University, Krasnodar.

The article highlights the staff challenges while recruiting officers to the Pacific Navy, the outcomes of personnel and organization problems emerged at the Navy in middle of 1930s due to political repressions and their impact on the combat readiness of basic military forces of the Pacific Navy.

Key words: USSR Pacific Navy, organizational and basic personnel problems, political repressions, combat readiness of the fleet.

Строительство Тихоокеанского флота (ТОФ) во второй половине 1930-х гг. было сопряжено с рядом объективных и субъективных организационных и кадровых проблем, обусловленных беспрецедентным по масштабу объёмом работ по оборудованию военно-морских баз и аэродромов, строительству объектов береговой обороны. Вместе с тем планы оборонительного и базового строительства из года в год не выполнялись и не соответствовали растущему корабельному составу, авиационному парку и береговой

артиллерии. Среди причин существовавшего положения одними из основных являлись острая нехватка квалифицированных строительных кадров, недостаточная подготовленность командиров всех степеней в вопросах управления военным строительством, низкая механизация строительных работ. Совокупность этих недостатков приводила не только к срыву плановых сроков возведения базовых объектов и объектов береговой обороны, но и к удорожанию строительства, необходимости в условиях ручного труда привлечения малоквалифицированной рабочей силы строительных частей, которые содержались вне норм РККА, но учитывались при подсчёте общей численности ТОФ. Так, 4-я бригада строительных частей 1 ноября 1937 г. состояла из 26 батальонов и насчитывала 30 048 чел. (36% всего списочного состава ТОФ) [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 34. Л. 117].

Наряду с увеличением численности личного состава строевых частей, что вполне закономерно в связи с вводом новых кораблей и комплектованием частей береговой обороны и авиации флота, возрастающие объёмы базового и оборонительного строительства также вели к увеличению общего количества военнослужащих ТОФ (табл. 1).

Таблица 1

Численность личного состава ТОФ в 1932—1937 гг. (чел.)

	По состоянию на			
	12.1932 г.	1.01.1937 г.	1.07.1937 г.	1.10.1937 г.
Всего	8 300	74 337	76 347	83 146
В т.ч. командно-начальствующего состава	—	7 092	—	7 372
Вне норм РККА	—	29 403	—	—
В т.ч. командно-начальствующего состава	—	1 029	—	—

Источник: РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 53. Л. 7—20, 62, 107 (подсчит. авторами).

По состоянию на декабрь 1937 г. ТОФ насчитывал 198 соединений и частей, в том числе 7 морских бригад, 3 авиационные бригады, 2 артиллерийские бригады Береговой обороны (БО), 1 бригаду ПВО, 6 укрепленных районов [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 34. Л. 120].

Несмотря на неуклонный рост численности личного состава, строевые части флота испытывали острую нехватку командных кадров, которую существовавшая сеть военно-учебных заведений восполнить не могла [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 34. Л. 99]. При этом анализ штатной и списочной численности личного состава ТОФ на 29 июня 1937 г. показывает, что некомплект командных кадров имел устойчивую тенденцию к росту [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 34. Л. 93]. Если на 1 января 1937 г. он практически отсутствовал, более того, на флоте имелось превышение списочного количества плавсостава над штатным расписанием на 1943 чел., то на 29 июня того же года некомплект плавсостава составлял 773 чел., а к 1 июля 1937 г. достиг 951 чел. Особый интерес представляет количество и распределение по категориям и воинским званиям командно-начальствующего состава флота (рис. 1).

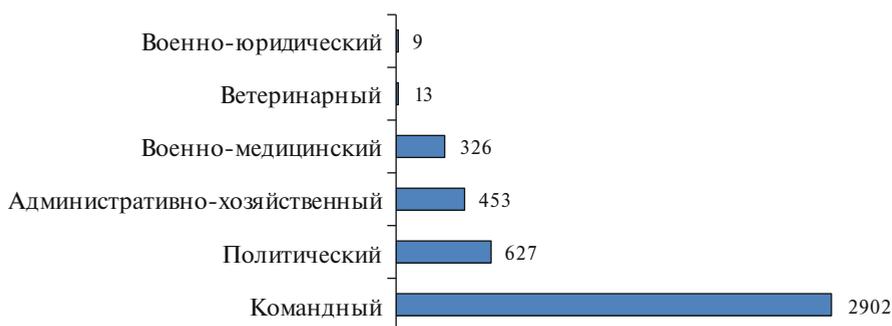

Рис. 1. Распределение по категориям командно-начальствующего состава ТОФ на начало 1937 г.

По инициативе начальника Морских сил РККА М.В. Викторова в 1937 г. во Владивостоке было создано Третье военно-морское училище, позже переименованное в Тихоокеанское, первый выпуск в котором должен был состояться лишь в 1941 г. С целью ускоренной подготовки командных кадров для ТОФ на базе 3-го ВМУ приказом командующего ТОФ весной 1938 г. были сформированы Курсы ускоренной подготовки командного состава ТОФ (КУПКС ТОФ) с двухлетним сроком обучения. Слушателями курсов стали наиболее подготовленные мичманы и старшины флота, изъявившие желание служить на командных должностях [2, с. 12, 18].

Таким образом, ТОФ с 1935 по 1938 г. проходил трудный период становления. Боевой и численный состав его постоянно наращивался. Наряду с учебно-боевыми перед флотом стояли масштабные строительные и хозяйственные задачи. Решение их требовало высокой организации управления, бесперебойного материально-технического обеспечения и необходимого числа подготовленных специалистов.

На объективно трудную обстановку с укомплектованием соединений и частей Тихоокеанского флота личным составом в указанный период существенно повлияли субъективные факторы, обусловленные развёртыванием крупномасштабных репрессий в армии и на флоте. После разгрома «заговорщиков» на Балтике и Чёрном море органы НКВД приступили к «зачистке» личного состава соединений и частей ТОФ.

В числе первых в июле 1937 г. были арестованы и уволены командиры подводных лодок старшие лейтенанты М.Е. Гуткин («М-19»), В.Е. Кожанов («М-20»), А.Н. Кочетков («М-4»), Г.А. Наринян («Щ-120»), В.А. Павлов («М-9») — все расстреляны в мае 1938 г. [5; ГАРФ. Ф. Р-8418. Д. 301. Л. 70—74, 108]. За первыми арестами последовали другие. В первой половине 1937 г. приказами бывшего командующего ТОФ флагмана флота 1 ранга М.В. Викторова было уволено 144 представителя командно-начальствующего состава, приказами НКО СССР — 84 (из них по болезни — 18), всего — 228 командиров и начальников среднего и старшего звена в воинских званиях от лейтенанта до капитана 1 ранга [РГА ВМФ. Ф. Р-2194. Оп. 1. Д. 3. Л. 339]. По состоянию на 17 сентября 1937 г. из числа уволенных по политическим мотивам было арестовано 148 представителей

командно-начальствующего состава ТОФ, из них командный состав был представлен 54 военнослужащими, технический — 44, политический — 14, административный — 17, медицинский — 18, ветеринарный — 1 [РГА ВМФ. Ф. Р-2194. Оп. 1. Д. 3. Л. 402]. По сведениям кадровых органов, с 1 апреля по 25 декабря 1937 г. было уволено 719 флотских командиров и начальников, из них арестовано 178 чел. [РГА ВМФ. Ф. Р-2194. Оп. 1. Д. 3. Л. 275—276].

26 июля 1937 г. был арестован начальник штаба ТОФ капитан 1 ранга О.С. Солонников [4, с. 443]. С помощью физических методов воздействия следователям центрального аппарата НКВД удалось довольно быстро добиться от него самооговора и «признательных» показаний. Он оговорил всё действовавшее на то время командование флота, а также бывшего комфлота флагмана флота 1 ранга М.В. Викторова, занимавшего пост начальника ВМС РККА. О.С. Солонникова расстреляли через год после ареста, 29 июля 1938 г. [5, с. 696]. Вместо него начальником штаба флота был назначен переведённый с Балтики капитан 2 ранга А.В. Попов.

Конец 1937 г. оказался роковым для командования Тихоокеанским флотом. Всё началось с проверки ТОФ Наркоматом обороны. Проверявшие прежде всего выискивали вредительство. Любая авария и даже выход из строя оружия и механизмов объяснялись тайными действиями «врагов народа». В акте проверки, утверждённом начальником Политуправления РККА армейским комиссаром 2 ранга П.А. Смирновым, указывалось, что на ТОФ явно «оставила следы» работа арестованных «врагов народа» — бывшего начальника штаба флота Солонникова, бывшего начальника Оперативного отдела штаба Орлова и иных «вредителей». Содержалась в акте и опасная инсинуация в адрес нового командующего флотом флагмана флота 2 ранга Г.П. Киреева: «вступил в командование ТОФ в августе 1937 г. (прошло три месяца)», но видно, что его «руководство... является поверхностным, недостаточно глубоким и конкретным» [7, с. 290].

В декабре 1937 г. командующий ТОФ флагман 1 ранга Г.П. Киреев был вызван в Москву. 10 января 1938 г. его арестовали, а 29 июля 1938 г. — приговорили к расстрелу [5, с. 583]. Вместе с ним репрессировали и члена Военного совета ТОФ армейского комиссара 2 ранга Г.С. Окунева, арестованного 1 декабря 1937 г., 28 июля 1938 г. его также приговорили к расстрелу [5, с. 585].

10 января 1938 г. командующим Тихоокеанским флотом стал бывший заместитель флагмана 1 ранга Г.П. Киреева капитан 1 ранга Н.Г. Кузнецов. Вскоре новому командующему флотом, как и его предшественникам на этом посту, пришлось участвовать в репрессивных акциях. В последних числах апреля 1938 г. на флот нагрянула комиссия из Москвы во главе с наркомом ВМФ армейским комиссаром 1 ранга П.А. Смирновым. О работе комиссии свидетельствует докладная записка наркома, представленная И.В. Сталину и председателю СНК В.М. Молотову 17 июня 1938 г. [8]: «За период с 25 апреля по 12 мая мною при участии зам. нач. Политуправления РККФ корпусного комиссара т. Лаухина, оргпропгруппы ПУРККФ, группы командиров Главного морского штаба и управлений РККФ проверены боевая готовность, состояние боевой и политической подготовки Тихоокеанского флота и Амурской Краснознамённой военной флотилии.

В результате проверки установлено, что политико-моральное состояние личного состава Тихоокеанского флота и Амурской Краснознамённой военной флотилии хорошее. Бойцы, несмотря на иногда тяжёлые бытовые условия, вызванные быстрым ростом флота и отставанием строительства или нарочно создававшиеся врагами народа, остаются неизменно бодрыми, преданными делу Ленина—Сталина, верными сынами нашей Родины...» Вместе с тем комиссия выявила большую «засорённость кадров Тихоокеанского флота врагами народа». Среди «врагов народа» были названы начальник штаба флота, четыре командира основных морских бригад, три коменданта укрепленных районов, начальник отдела ПВО Тихоокеанского флота, командир Владивостокского военного порта, командующий и начальник Политуправления флота. В авиации флота «врагами народа» оказались и командующий ВВС, и военком. Руководство флотом обвинялось в том, что в частях существовало пьянство, зазнайство и чванство в бригадах ПЛ как средство разложения личного состава и притупления бдительности; в присвоении и занижении званий командирам среднего звена для создания недовольства среди комначсостава и т.п. Даже недостаточное количество тральщиков было поставлено в вину командованию флотом. Результатом «работы» комиссии стало увольнение 25 и арест 24 командиров. В шифротелеграмме начальника УНКВД ДВК комиссара госбезопасности 1 ранга В.А. Балицкого в центр от 14 июня 1938 г. сообщалось: «На 13 июня всего по делу военно-троцкистской организации ОКДВА и ТОФ проходят 472 участника, из которых арестовано военнослужащих 169, в том числе сознались 116, дополнительно арестовываем, согласно полученной санкции и по согласованию на месте 70 человек. Ожидаем санкцию на арест 117. Разыскиваем 27, уточняем показания на 89 человек» [7]. В борьбе «за чистоту рядов флота» отличился и следующий после П.А. Смирнова нарком ВМФ комкор М.П. Фриновский — в 1938 г. заместитель наркома НКВД. 27 июля 1938 г. он отправил своему начальнику, Генеральному комиссару госбезопасности Н.И. Ежову, из Хабаровска телеграмму, в которой указывалось, что им арестовано 66 человек из числа командного состава Тихоокеанского флота [10]. «Справка о судимости командно-начальствующего состава ВМФ за 1938 г.» позволяет установить, что военными прокуратурами флотов Советского Союза за контрреволюционную троцкистскую деятельность (КРТД) было осуждено: в 1937 г. — 208 представителей командно-начальствующего состава флота (из них приговорены к высшей мере наказания (ВМН) — 26, к отбыванию наказания в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) сроком от 1 года и более — 177 чел.), а в 1938 г. — 154 (из них приговорены к ВМН — 11, к ИТЛ сроком от 1 года и более — 140 чел.) [РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 1. Л. 82].

Таким образом, с учётом командиров и начальников, приговорённых Военной коллегией Верховного суда СССР, в 1937—1938 гг. за политические преступления было осуждено около 400 представителей командно-начальствующего состава ТОФ, а общее число потерь командно-начальствующего состава ТОФ за период политических репрессий с 1936 по 1939 г. составило около 1700 уволенных военнослужащих, в том числе 500 арестованных.

Статистика свидетельствует, что из числа представителей высшего командного состава ТОФ в те годы были арестованы 24 чел., в том числе: флагман 1 ранга — 1, комкор и ему соответствующие — 2, комдив и ему соответствующие — 7, комбриг и ему соответствующие — 14. При этом были расстреляны 14 представителей командования флота, командиров соединений и частей ТОФ, среди них: флагман 1 ранга Г.П. Киреев, армейский комиссар 2 ранга Г.С. Окунев, комкор А.А. Стороженко, флагман 2 ранга А.В. Васильев, дивизионные комиссары С.И. Земсков и М.В. Лавров, дивизионный интендант И.Г. Прошкин, комбриги Н.У. Ездаков, П.Г. Романовский, бригадные комиссары Н.М. Карасёв, Д.А. Сергеев, В.Я. Шилкин, бригадные интенданты С.И. Калинин, М.З. Труханян, бригадвоенврач В.В. Полищук и др.

В период массовых политических репрессий в управлениях, службах и штабе ТОФ было уволено по политическим мотивам и арестовано не менее 56 представителей командного состава, в Главвоенпорту — 29, плавсостав морских бригад лишился 83 командиров и начальников, укрепрайоны — 67. За это же время части ВВС ТОФ потеряли 84 командира, лётчика и техника. В частях береговой артиллерии было репрессировано 52 командира. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что из общего числа арестованных флотских командиров и начальников 21,8% были приговорены к ВМН и расстреляны, более 30% осуждены с отбыванием различных сроков заключения в ИТЛ, 9,1% освобождены из-под ареста или из ИТЛ, отбыв в заключении год и более.

Для того чтобы оценить влияние политических репрессий на боевую готовность сил ТОФ, целесообразно рассмотреть состояние всех компонентов боеспособности: укомплектованность личным составом, состояние техники и вооружения, уровень организации управления, боевую подготовку сил флота, организованность и воинскую дисциплину, морально-боевые качества личного состава. Объективный общий вывод о состоянии ТОФ к 1939 г. можно сделать на основе анализа изменений, которые произошли с составляющими боеготовности в период массовых политических репрессий. Политические репрессии сказались на укомплектованности Тихоокеанского флота личным составом. Убыль военнослужащих в результате увольнения и последующего ареста восполнялась по-разному, в зависимости от их положения на служебной лестнице. Здесь необходимо отметить, что в это время в ТОФ вопросы комплектования младшим командным и рядовым составом решались оперативно, поскольку сверхштатный контингент военнослужащих данных категорий позволял быстро пополнять их некомплект. Так, например, по состоянию на 1 ноября 1937 г. в соединениях и частях флота сверх штата находилось 12 776 чел. младшего состава и рядовых [РГА ВМФ. Оп. 1. Д. 53. Л. 117], что позволило в кратчайшие сроки восполнить убыль военнослужащих данной категории, которая составила за этот год 222 человека. Примерно такая же ситуация сложилась и в 1938 г., когда, по сведениям прокуратуры, было осуждено 250 младших командиров и рядовых ТОФ [РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 1. Л. 81].

Ситуация с укомплектованностью сил ТОФ старшим и средним командным составом отличалась коренным образом, поскольку ещё до начала массовых

репрессий (в конце 1936—1937 гг.) на флоте уже существовал дефицит командных кадров данной категории, особенно плавсостава. Так, в информационно-отчётном докладе начальника политотдела 1-й морской бригады от 3 января 1937 г. было указано: «Особенно плохо стоит вопрос с командирами БЧ-5, т.к. на всей бригаде штатных командиров БЧ-5 имеется лишь 3 человека, а командиров групп движения — 2 человека» [РГА ВМФ. Ф. Р-1012. Оп. 3. Д. 332. Л. 80.]. В донесении начальника политотдела бригады торпедных катеров было отмечено: «На качественном выполнении боевой подготовки отражается большой некомплект в первую очередь командных кадров (нет командиров дивизионов 1-го и 2-го, начальника штаба 1-го дивизиона и командира базы) и целого ряда командиров и специалистов в штабе бригады, дивизионов и на базе» [РГА ВМФ. Ф. Р-1012. Оп. 3. Д. 332. Л. 90.].

С развёртыванием репрессий в отношении командного состава ТОФ некомплект комначсостава стал расти и к 1 ноября 1937 г. составил 3434 должности [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 53. Л. 107, 117], что составляло 31,8% от штатной численности командно-начальствующего состава флота. Разумеется, в короткие сроки заместить командные должности подготовленными кадрами было невозможно. Несмотря на экстренные меры, принимаемые командованием флота и кадровыми органами для восполнения некомплекта командно-начальствующего состава, в 1937—1939 гг. острая кадровая проблема продолжала существовать.

Это можно проследить на примере бригады торпедных катеров ТОФ. Так, по состоянию на 29 апреля 1938 г. в 3-й морской бригаде на 16 торпедных катеров (36,4% от их общего количества) не было командиров [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 738. Л. 5]. В тот же период значительно ухудшилось качество укомплектованности кадрами, поскольку определяющими стали не профессиональные качества выдвигаемого на вакантную должность командира, а в первую очередь его политические взгляды, социальное происхождение, национальность. На 28 июня 1938 г. в трёх дивизионах этой бригады все должности командиров катеров (21 штатная единица) исполняли старшины, при этом 15 из них были допущены к самостоятельному управлению кораблём в простейших условиях, т.е. были недостаточно подготовлены для выполнения боевых задач. Из 22 должностей командиров звена этой бригады 5 должностей занимали старшины. Таким образом, из 43 должностей командиров звена и командиров торпедных катеров только 17 (около 40%) было занято средним командным составом в звании лейтенант и старший лейтенант, около 35% комсостава указанных категорий имели недостаточную подготовку [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 382. Л. 23].

Последствия репрессий на ТОФ негативно отразились и на состоянии техники и вооружения. Наряду с не соответствующей количественному корабельному составу судоремонтной базой Дальнего Востока [11, с. 172—173] в ходе репрессий понесли потери инженерные кадры Технического отдела флота и Главного военного порта, непосредственно планировавшие и контролировавшие ремонт кораблей, а также руководство судоремонтных предприятий. В наибольшей степени это отразилось на состоянии подводных лодок. В соответствии с планом ввода новостроящихся кораблей в 1938 г. среднему ремонту подлежали 23 подводные лодки,

а в последующие два года на капитальный ремонт должны были стать все подводные лодки постройки 1933—1934 гг. [РГА ВМФ. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 3. Л. 24]. Загруженность завода плановым и аварийным судоремонтом кораблей приводила к задержке сроков ремонта, что не могло не сказаться на общем количестве боеготовых кораблей в составе флота. Так, к концу 1937 г. боевая готовность подводных лодок во 2-й морской бригаде значительно ухудшилась. Начальник штаба бригады капитан 2 ранга И.К. Кельнер докладывал начальнику штаба флота капитану 2 ранга А.В. Попову в середине декабря 1937 г.: «Весь 13-й дивизион ПЛ ушёл к новому месту базирования сегодня, 14 декабря. 12-й дивизион производит очередной заводской ремонт, и ПЛ (105, 106), кроме того, находятся в доке. Сроки ремонта, установленные Военным советом, не выдерживаются ни на одной ПЛ, в декабре ремонт не будет закончен. 3 ПЛ 14-го дивизиона (114, 115, 116) готовятся стать в док 16-го декабря и после этого все четыре ПЛ станут в очередной заводской ремонт... На ПЛ 113 и 114 вынуты аккумуляторные батареи, так как по времени и по количеству циклов зарядок эти батареи давно перевыполнили норму, и кроме того ёмкость их была низкой. Для ускорения ремонта 12 и 14 дивизионов прошу считать оба эти дивизиона в 10-ти суточной готовности» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 14].

Из приведённого доклада следует, что сроки ремонта подводных лодок уже в декабре 1937 г. не выдерживались, в установленной готовности находился только 11-й дивизион неполного состава (на подводной лодке «Щ-101», как следовало из этого же донесения, производилась замена аккумуляторных батарей). Следовательно, во 2-й морской бригаде количество боеготовых подлодок со сроком готовности два часа и менее к середине декабря 1937 г. оставалось всего три.

В апреле 1938 г. на судоремонтных предприятиях проходили ремонт 18 кораблей, ещё большее количество ожидало ремонта. В отдельных соединениях, например в 4-й и в 7-й морских бригадах, в ремонте находилось до 36—38% корабельного состава [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 378. Л. 4—7]. Такое положение сложилось ввиду совпадения сроков гарантийного ремонта кораблей и планового среднего ремонта подводных лодок, сданных промышленностью в 1935—1936 гг. Прогноз данной ситуации был своевременно сделан специалистами технического отдела флота в 1936 г., но исправить её не представлялось возможным из-за слабых мощностей единственного крупного судоремонтного предприятия — Дальзавода. В создавшемся положении также были «обнаружены следы врагов народа».

Аресты начальника Главвоенпорта бригадного интенданта С.И. Калинина, его заместителя бригадного интенданта М.З. Труханова, комиссара Главвоенпорта бригадного комиссара Д.А. Сергеева, начальника Технического отдела военного инженера 1 ранга П.С. Косьянчука, начальника отдела вооружения капитана 1 ранга А.К. Пашковского, старшего инженера артотдела Главвоенпорта Н.И. Жило и ряда других специалистов существенно повлияли на ритм нормального производственного процесса. В ходе политических репрессий силы флота лишились командиров, которые непосредственно занимались планированием ремонта и проведением мероприятий по поддержанию соединений и частей ТОФ в боевой готов-

ности. Например, начальник штаба 2-й морской бригады капитан 2 ранга И.К. Кельнер был арестован менее чем через месяц после представления вышеприведённого донесения.

Судя по документам боевой готовности 2-й морской бригады, количество боевых единиц со сроком готовности 2 часа и менее удалось увеличить только во второй половине апреля 1938 г. до двенадцати, но в середине мая их было уже десять, а в конце мая всего четыре [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 1—13]. Характерно, что периоды уменьшения количества боеготовых единиц хронологически совпадают с периодами проведения арестов комначсостава флота. Эта взаимосвязь вполне закономерна, поскольку именно командный и технический состав непосредственно организует работы по техническому обслуживанию кораблей, вооружения и техники и руководит ими, и устранение из этого процесса нескольких управленческих звеньев неизбежно влечёт сбой в системе. Аналогичные сбои в этот период отмечались и в ремонте торпедного вооружения в мастерских Главвоентпорта [РГА ВМФ. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 93. Л. 31—32].

Одновременно произошло и снижение уровня организации управления соединениями и частями флота. Штаб ТОФ потерял в ходе репрессий 26 представителей комначсостава, в том числе двух начальников штаба (О.С. Солонникова и А.В. Попова) и четырёх начальников отделов. Один из основных отделов штаба — разведывательный — потерял 50% своего комначсостава. Следовательно, штаб ТОФ не мог эффективно осуществлять управление силами флота в боевой обстановке. Об этом говорят материалы разбора одного из учений ТОФ — большого отрядного учения (БОУ-3), проходившего с 13 по 18 октября 1938 г. Отмечалось, что учения в целом прошли успешно, штабы и соединения флота получили навыки в выполнении задач согласно боевому предназначению, но имелись серьёзные недостатки, которые были отмечены в материалах разбора учений новым начальником штаба ТОФ капитаном 3 ранга В.Л. Богденко.

Так, начальник 8-го отдела штаба ТОФ интендант 1 ранга Алексеев, участвовавший на учениях как посредник по скрытому управлению войсками, отмечал: «Командиры оперативного отдела штаба ТОФ до сего времени являются немощными в вопросах кодирования сводки и не могут, а в ряде случаев и не хотят лично работать не только по командному коду, но даже и по специально созданной для оперативного дежурного таблице условных сигналов» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 193].

Следствием недостатков в управлении стали также неорганизованные действия командиров подводных лодок на начальном этапе учений: командир ПЛ «Щ-106» неверно принял сигнал и начал движение на позицию, командир ПЛ «Щ-108» при выходе из бухты Золотой Рог допустил столкновение со шхуной «Красный якут» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 17—19].

Как недостаток в организации боевых действий штабом 4-й морской бригады отмечалась неудачная расстановка подводных лодок на позиции, которая «...не дала возможности полностью их использовать, вследствие чего противник мог безнаказанно высаживать десант в заливе Стрелок... За всё время учений из 11 подводных лодок, находящихся на учениях,

соприкосновение с противником имели только 4 ПЛ. Количество произведённых атак — 5» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 32—40].

В ходе учений отмечались и недостатки в работе органов управления 1-й морской бригады, 2-го дивизиона миноносцев, подразделения катеров погранохраны, но значительно хуже была оценена деятельность органов управления (штабов) береговых войск. Подводя итог, посредник отмечал: «Штабы не подготовлены и не являются органами управления войсками. Не прорабатываются тылы, остались совсем забытыми. Забыта совсем разведка противника всеми родами войск» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 149—150].

Неумение штабов организовывать разведку и своевременно обобщать разведывательные сведения отмечал посредник по разведке капитан Закиров: «Действующие силы «противника» полностью были обнаружены разведывательными органами флота с большим опозданием. В большинстве случаев данные о «противнике» поступали после принятия решения командующими стороной „А“ (не имели ценности)... Совершенно отсутствовала взаимная информация между разведорганами» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 186].

Анализ содержания приказов НК ВМФ по личному составу позволяет сделать вывод о том, что в конце 1938 г. и в 1939 г. высшее флотское командование осуществляло попытки укомплектовать штаб ТОФ, выдвигая на вышестоящие должности молодых командиров, допуская к исполнению обязанностей начальников отделений штаба младших командиров сверхсрочной службы, призывая комсостав из запаса, а также направляя на освободившиеся в ходе репрессий вакантные должности слушателей Военно-морской академии (ВМА), выпущенных из стен флотского вуза досрочно. Так, например, слушатель ВМА капитан-лейтенант Н.И. Андреев был назначен начальником разведотдела ТОФ после досрочного выпуска [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 7. Д. 63. Л. 13, 148, 239]. Естественно, для качественного укомплектования органов управления флота и восстановления их работоспособности требовалось время.

В 1937 г. после первой волны политических репрессий заметно снизился уровень боевой подготовки морских сил и сухопутных войск флота. Об этом свидетельствуют материалы учений, проходивших с 25 сентября по 1 октября 1937 г. В документах содержатся сведения о различных происшествиях, вызванных отсутствием у личного состава навыков обращения с вооружением и безопасного управления кораблём. Так, 25 сентября в 3-й морской бригаде произошёл выстрел торпедой в пирс, 27 сентября случилось возгорание техники при заправке, 28 сентября при выходе в море столкнулись торпедные катера № 31 и № 41, в этот же день в госпиталь были отправлены двое военнослужащих, отравившихся токсичным газом ипритом; 29 сентября потерпел аварию самолёт МБР-2, во время шторма получила повреждения и выбыла из строя ПЛ «М-10», произошло столкновение двух подводных лодок, 1 октября торпедный катер № 17 наскочил на ПЛ «М-26», командир взвода вывел из строя танк, совершил вынужденную посадку истребитель из 9-й авиаэскадрильи [РГА ВМФ. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 63. Л. 87—102].

После второй волны арестов ситуация ещё более ухудшилась. Это явствует из анализа недостатков в боевой подготовке сил флота, вскрытых в ходе двусторонних учений ТОФ в октябре 1938 г. В материалах разбора учений в лучшую сторону отмечаются действия отдельных боевых единиц подводного флота. Например, посредником при подводной лодке «Щ-112» было отмечено: «Корабль подготовлен и провёл учение хорошо... личный состав работал отлично» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 64—65]. Вместе с тем ряд отчётных документов свидетельствует о наличии серьёзных проблем в торпедной подготовке подводных сил ТОФ. Так, за проведение торпедных атак подводными лодками были выставлены следующие оценки: «отлично» — 1, «хорошо» — 4, «неудовлетворительно» — 6. При этом явно неудовлетворительные результаты показали подводные лодки 2-й морской бригады: из 7 атак 2 оценены «хорошо» и 5 «неудовлетворительно» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 200]. В этом соединении отмечалась неудовлетворительная подготовка отдельных экипажей к учениям и неуверенные действия командного состава. Факты плохой подготовки были отмечены посредниками и в других флотских частях и подразделениях, например во 2-м дивизионе миноносцев: «Личный состав к учению не подготовлен... Материальная часть личным составом не освоена в достаточной степени. Командир театра не знает» [РГА ВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 381. Л. 56—63].

Арест и увольнение значительного числа кадровых командиров, которые отвечали за уровень боевой подготовки вверенных им частей, подразделений и могли организовать проведение качественных занятий и учений с подчинёнными, отрицательно сказались на уровне боевой способности сил флота. Более того, в период проведения политических репрессий на ТОФ боевая подготовка отошла на второй план жизнедеятельности флота.

По сведениям Главной военной прокуратуры ВМФ за 1938 г., следствием низкой организованности и дисциплины в период массовых политических репрессий стали участвовавшие пожары на ТОФ — 33 (58% от их общего количества во всех частях ВМФ); возросло число несчастных случаев — 45 (около 45% от их общего количества во всех частях ВМФ); участились случаи уклонения от военной службы — 47 (более 60% от их общего количества во всех частях ВМФ), утопления военнослужащих — 14 (около 47% от их общего количества во всех частях ВМФ), отравления пищей — 12 (более 52% от общего количества во всех частях ВМФ) [РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 1. Л. 21].

Необходимо отметить, что в период репрессий 1937—1938 гг. наибольшее количество самоубийств военнослужащих среди флотов и флотилий страны было зафиксировано именно на ТОФ: в 1937 г. — 41 самоубийство и покушение на самоубийство; в 1938 г. — 32. В это же время значительно возросло количество судимостей представителей комначсостава флота. В справке «Судимость в ВМФ за 1938 г.» приводятся следующие данные: в 1937 г. был осуждён 891 военнослужащий, в т.ч. 208 представителей комначсостава; в 1938 г. — 825 военнослужащих, в т.ч. 154 представителя комначсостава [РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 1. Л. 78]. Если учесть, что, по сведениям военной прокуратуры ТОФ, в 1936 г. было арестовано 118 военнослужащих (из них 12 — представители комначсостава) [РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 1;

Ф. 1012. Оп. 3. Д. 390. Л. 14], то необходимо признать общий рост судимости военнослужащих ТОФ в 7 и более раз, а комначсостава — в 13—17 раз.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что период политических репрессий 1937—1938 гг. характеризовался значительным падением уровня организованности и воинской дисциплины на Тихоокеанском флоте, что отрицательно повлияло на морально-политическое состояние личного состава и стало причиной ухудшения его профессиональной подготовки. Политические репрессии в отношении комначсостава ТОФ негативно повлияли на состояние основных компонентов боевой готовности сил флота.

Военнослужащие стали «виновными» в невыполнении амбициозных планов военно-политического руководства страны, которые не могли быть выполнены в силу объективных и субъективных обстоятельств. Планами оборонительного и базового строительства в 1932—1938 гг. предусматривалось создание рассредоточенной системы базирования от Владивостока до Советской Гавани и Камчатки с учётом перспективного роста корабельного состава ТОФ, береговой обороны десантнодоступных участков побережья и операционных, промежуточных и манёвренных баз флота (Владивосток, Советская Гавань, Владимир — Ольга и др.). Наряду с объективными причинами невыполнения планов оборонительного и базового строительства важнейшим недостатком являлось отсутствие вертикали управления во всём военно-морском и промышленном строительстве страны. Однако к этому времени генсек ЦК ВКП (б) И. В. Сталин и нарком НКВД Н. И. Ежов уже определили причины и нашли «виновников» провала пятилетнего плана развития СССР и морского строительства на ТОФ.

Военные строители в силу специфики работы оказались в числе наиболее уязвимых от репрессий — недостатки в базовом и оборонительном строительстве легко были расценены как «вредительство» и «пособничество мировому империализму». Аресты, начатые в Москве с высшего руководства, охватили Военную инженерную академию РККА, Строительно-квартирное управление, Отдел морского берегового строительства Управления Морских сил РККА. В жернова репрессий попали те, кто планировал морское строительство на Тихом океане, и его непосредственные исполнители. К высшей мере наказания были приговорены начальник Инженерного управления РККА комкор Н. Н. Петин, его помощник на Дальнем Востоке дивизионный инженер А. П. Бандин, начальник морского факультета Военно-инженерной академии РККА, военинженер 1 ранга М. М. Селиванов (дальневосточник). Из Отдела морского берегового строительства УМС РККА расстреляли военинженеров 1 ранга Л. И. Лубенского, М. Д. Пруссакова, Я. Е. Розенталя.

Эта же участь постигла большевика с дооктябрьским партийным стажем, красного латышского стрелка, первого начальника инженеров МСДВ военинженера 1 ранга К. А. Розе, с апреля 1937 г. занимавшего должность начальника одного из центральных научно-исследовательских институтов в Москве [12]; заместителя начальника Отдела инженерных войск ТОФ по оборонительному строительству МСДВ, старшего преподавателя фортификации Военно-инженерной академии РККА, военинженера

1 ранга А. И. Василькова. Дважды подвергался аресту и умер в исправительно-трудовом лагере герой штурма Волочаевки и Спасска дважды награждённый орденом Боевого Красного Знамени комдив Я. З. Покус [13]. В августе 1937 г. был уволен из рядов РККА один из первых строителей МСДВ и соратник В. М. Блюхера по войне в Китае Михаил Яковлевич Гмира [РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 3815], а в декабре этого же года в Ленинграде он был приговорён к высшей мере наказания по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Не избежал этой же участи и бывший дальневосточник, начальник морского факультета Военно-инженерной академии РККА военинженер 1 ранга М. М. Селиванов. Ещё больший удар был нанесён военным строителям ОКДВА, которые в начальный период строительства ТОФ выполняли проектные работы по оборудованию береговой обороны. По неполным данным, военные строители ТОФ и ОКДВА потеряли около 30 чел. командно-начальствующего состава. Подверглось репрессиям практически всё руководство инженерно-строительными службами ТОФ и ОКДВА, занимавшее высокие должности с 1931 по 1938 г.

Вместе с тем физическая ликвидация «виновников» провала оборонительного и базового строительства не только не устранила недостатков, но и ещё больше усугубила ситуацию. Так, план оборонительного строительства организациями ТОФ в 1939 г. был выполнен на 70%, базового — на 74%, а ввода объектов в строй и того меньше — на 17,4% и 42,5% соответственно [РГА ВМФ. Ф. Р-920. Д. 71. Л. 151, 152]. Отставание продолжало сохраняться вплоть до начала Великой Отечественной войны [РГА ВМФ. Ф. Р-1334. Оп. 1. Д. 152. Л. 99—191].

Таким образом, политические репрессии на ТОФ в 1937—1938 гг. негативно отразились на всех составных частях боевой готовности и усугубили и без того сложную обстановку на флоте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. РГА ВМФ (Российский гос. арх. Военно-морского флота).
2. Шугалей И. Ф., Крицкий Н. Н. Тихоокеанский военно-морской институт. Владивосток: ТОВМИ, 2007. 220 с.
3. РГВА (Российский гос. военный арх.). Ф. 9. Оп. 36. Д. 2370. Л. 83.
4. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998.
5. Сувениров О. Ф. 1937. Трагедия Красной Армии. М.: Эксмо, 2009.
6. Армия. 1993. № 13. С. 52.
7. Зонин С. А. Адмирал Л. М. Галлер. М.: Воениздат, 1991.
8. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
9. ЦА ФСБ (Центральный арх. Федеральной службы безопасности). Ф. 3. Оп. 4. Д. 153. Л. 152.
10. Сысоев Н. Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М., 2002. С. 131.
11. Зайцев Ю. М. Военно-морская инфраструктура Тихоокеанского флота в системе обороны дальневосточных рубежей СССР (1932—1941 гг.). Владивосток: ТОВМИ, 2003.
12. Калинин В. И., Королёв Ю. В. Начальник инженеров Тихоокеанского флота военинженер 1 ранга Карл Розе // Baltfort. № 1 (2). 2008. С. 58—65.
13. Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. С. 215, 414.